18+

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Они просто хотели, чтобы стало тихо.

ЯГЬЯЕВ ИЛЬДАР

Ильдар Ягьяев

Колыбельная

«Издательские решения»

Ягьяев И.

Колыбельная / И. Ягьяев — «Издательские решения»,

Пока он молчал, его словно не существовало. До полуночи колыбельную нужно спеть тринадцать раз, но они успели лишь наполовину. Этой ночью взрослые Солтхолма бродят с открытыми глазами и убивают всё, что шумит. Руби несёт восьмимесячного брата; Итан с сестрой заперт дома с родителями, а Маркус и Эмма прячутся под машиной. До рассвета шесть часов. Ни звука. Фолк-хоррор об одной ночи, одном городе и семьях, пытающихся выжить в тишине.

© Ягьяев И.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕЖДЕ ЧЕМ НАЧАТЬ 6
ГЛАВА 1 7
23:52. Поле 7
ГЛАВА 2 12
23:58. Улица 12
ГЛАВА 3 14
00:20. Квартира 14
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Колыбельная

Ильдар Ягьяев

© Ильдар Ягьяев, 2026

ISBN 978-5-0071-6577-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕЖДЕ ЧЕМ НАЧАТЬ

В этой книге есть гибель младенцев и детей, насилие в семье и мысли матери о том, чтобы причинить вред своему ребёнку.

Читать это бывает тяжело. Если нужно — отложите книгу. Она подождёт.

Спи, усни, закрой глаза,
в небо — нет, туда нельзя,
я пою, а ты усни,
сон мой у себя храни.
Пока он молчал,
его не было.

ГЛАВА 1

23:52. Поле

Двенадцать женщин стояли посреди кукурузного поля, взявшись за руки, и круг, который они образовали, был таким широким, что Руби, глядя с края, не могла разглядеть лиц на дальней стороне.

В центре круга, на белом одеяле, расстеленном прямо по жнивью, спал Ноа. У изголовья сидел его музыкальный зайчик — серый, с ушами, протёртыми от любви почти насквозь. Нажмёшь на животик — играет колыбельную. Без него Ноа ни разу в жизни не засыпал.

В свободной руке каждая женщина держала свечу в стеклянной банке. Они пели: одни и те же несколько строк, снова и снова, слова сливались друг с другом, голоса срывались, потому что пели слишком быстро. Тётя Джо стояла у изголовья одеяла с раскрытой потрёпанной тетрадью в руке и подгоняла их сбивчивым шёпотом: «Ещё раз. Ещё. Не останавливаемся».

Они так устали. Руби видела это даже отсюда. Это было в том, как они стояли: не прямо, а будто опираясь на что-то — так в четыре утра опираются на кухонную столешницу, пока греется бутылочка. Карен — подруга тёти Джо с работы, у которой было трое детей младше пяти и которая любила говорить, что не спала с 2021 года, — то и дело теряла вторую строчку и подхватывала её на такт позже. Незнакомая Руби женщина стояла с закрытыми глазами, и дважды её подбородок падал на грудь и рывком поднимался, и оба раза она продолжала петь, будто рот научился делать это без неё. Банка в маминой руке тряслась так, что пламя внутри дрожало.

Руби думала, что это будет похоже на колдовство. Не было. Было похоже на любую лестничную площадку в Солтхолме в три часа ночи.

Руби узнала мелодию не сразу. А когда узнала, у неё стянуло кожу на руках. Эту колыбельную мама пела ей, когда она была маленькой. Она ни разу не вслушивалась в слова.

— Они не успеют, — прошептал Джейк. Он сидел на корточках рядом с ней, там, где начинались нескошенные стебли. — Посмотри на них. Не успеют.

Джейк учился с ней в одном классе. С сентября они сидели вместе на химии, и только ему одному она рассказала про тетрадь всю правду. Сегодня он пришёл, потому что она попросила. Руби было семнадцать, и никогда в жизни она так не радовалась, что не одна.

Две недели назад она назвала бы всё это бредом. Тетрадь принадлежала прабабушке. Мелким аккуратным почерком в ней было описано то, что раз в несколько поколений случалось в Солтхолме — их маленьком городке на линкольнширских болотах, — в ночь полнолуния, ровно в полночь. Что-то, что случалось со взрослыми. Чаще всего — с матерями. С каждым, кто ночами носил плачущего ребёнка, пока в нём что-то не ломалось.

Тётя Джо однажды прочитала эту страницу вслух, на кухне, замогильным голосом, и Руби смеялась вместе с ней. До последней строчки. Её тётя Джо прочитала уже без всякого голоса. Просто прочитала, перестала смеяться и закрыла тетрадь.

Утром они просыпаются и помнят.

После этого Руби больше ничего не хотела слышать. Страницу про обряд она заставила себя прочитать — кто-то же должен был, — а даты выписала для проекта по истории. Остальное — вторую половину, где почерк становился мелким и рваным, — она пропустила. Сказала себе, что там просто ничего не разобрать.

Сам обряд был простым: колыбельная, которую поёт круг над младенцем, ни разу не видевшим полной луны. Тринадцать раз, без остановки, и закончить до полуночи.

Тётя Джо нашла тетрадь на чердаке опустевшего прабабушкиного дома через несколько недель после похорон. 1958 год Руби к тому времени нашла сама. Тридцать семь детей за одну ночь. Теперь это был её проект по истории.

Сначала тётя Джо смеялась. Сверив даты, она перестала смеяться и взялась за телефон. Руби думала, что над ней будут смеяться. Никто не смеялся. Тётя Джо обзвонила десять женщин, и ни одна не спросила, правда ли это. Карен спросила, во сколько. Девушка из старой команды тёти Джо по нетболу, у которой близнецы мучились коликами, спросила, приносить ли свою свечу. Мамина подруга Сиан молчала так долго, что тётя Джо решила, будто связь оборвалась, а потом сказала очень тихо: «Я знала, что я не одна такая».

А ещё были признаки — те, что тетрадь перечисляла на первой неровной странице. Собаки, которые неделю подряд каждую ночь выли у реки. Взрослые, которых на рассвете находили в собственном саду, и они не помнили, как туда попали: в Солтхолме только за сентябрь таких было трое, и одна из них — Карен. Тетрадь говорила, что всё это бывает за месяц до. После этого полнолуние могло быть только одно.

Нужен был ребёнок, который ни разу не видел полнолуния. Тётя Джо трижды переспрашивала маму, уверена ли она, и мама была уверена. Ноа привезли из роддома в феврале, затемно, под одеялом в автокресле. С тех пор он спал за плотными шторами, потому что засыпал только в полной темноте — а иногда и в ней не засыпал. Если не считать той февральской ночи под одеялом, ни разу в жизни он не был на улице после заката. Восемь полнолуний пришло и ушло, и все восемь он проспал в комнате, где день и ночь выглядели одинаково.

Руби посмотрела на маму. Та стояла ближе всех, спиной к ним, и пела так, что у неё тряслись плечи. Когда тётя Джо впервые прочитала это вслух, мама тоже смеялась. Вчера ночью Руби слышала, как она плачет на кухне.

Три недели назад. 3:14 ночи.

Руби проснулась оттого, что Ноа орал как резаный — как орал почти каждую ночь вот уже восемь месяцев. Она натянула подушку на голову. Не помогло. Через эту стену было слышно всё.

Она вышла на площадку за водой. Мама ходила по ней из конца в конец, от ванной до лестницы и обратно, с Ноа на руках. Босиком, в старой папиной футболке, волосы колтуном. Шаг, шаг, разворот. Шаг, шаг, разворот. Как маятник.

— Пожалуйста, — шептала мама. — Пожалуйста. Пожалуйста, просто замолчи.

Ноа орал.

Папа был в рейсе — как почти без перерыва последние полгода. Он водил фуру и бывал дома два дня в месяц.

— Мам, дай я его возьму, — сказала Руби.

Мама не ответила. Она остановилась наверху лестницы, и Руби видела её в профиль: мама смотрела на Ноа, и губы у неё шевелились. «Тш-ш. Тш-ш. Тш-ш». Потом её ладонь медленно легла Ноа на лицо. На рот. Плач стал густым и глухим. И мама закрыла глаза, и всё её лицо наполнилось облегчением.

Секунда. Две.

— Мам!

Мама вздрогнула и отдёрнула руку, будто обожглась. Ноа захлебнулся и заорал громче прежнего. Мама обернулась. Лицо у неё было белое, а глаза — совершенно ясные. Мамины глаза. Она смотрела на свою ладонь так, будто та принадлежала кому-то другому. Руби не могла пошевелиться.

А потом мама заплакала. Села на верхнюю ступеньку, прижала орущего малыша к груди и заплакала вместе с ним.

— Я знаю, что сделала, — сказала она. — Руби, я знаю. Я не хотела ему зла. Я просто хотела, чтобы стало тихо. На одну секунду. Я так устала.

Утром они об этом не говорили. Никогда не говорили.

Руби никому не рассказала. Ни папе, когда он вечером позвонил со стоянки у трассы и спросил, как там мама держится. Никому.

Через неделю тётя Джо нашла тетрадь.

Руби помнила и другую маму. Ту, что была до Ноа. По субботам по утрам она включала на кухне старое радио — всегда станцию с девяностыми, — и они пекли блинчики, и мама пела в лопатку, как в микрофон, жутко фальшивя, и танцевала, задевая бёдрами шкафчики. Руби закатывала глаза и снимала её на телефон, а мама визжала: «Удали! Удали *сейчас же*!» — и хохотала так, что приходилось садиться на линолеум. Руби так и не удалила. Видео до сих пор было у неё в телефоне. С весны она его не открывала.

Начали они в половине двенадцатого. Времени полно, сказала тётя Джо. А потом, в 23:44, на девятом круге, на последней строчке — *стану я опять собой* — у мамы сорвался голос и замолк. Всего на секунду. Она с силой прижала ладонь к собственному рту — и Руби вспомнила площадку, — и круг вокруг неё сбился.

— С начала, — сказала тётя Джо тихо и ровно. — Без остановки. Таково правило.

На маму никто не посмотрел. Мама смотрела в землю. Руби видела, как одиннадцать усталых лиц не смотрят на неё, и поняла, что у каждой из них есть своя лестничная площадка. Они начали снова, быстрее.

Джейк толкнул её локтем и наклонил телефон, чтобы ей было видно. 23:58. И улыбнулся ей своей кривой улыбкой — той, что он берёг на случай, когда всё идёт наперекосяк.

— Всё равно загадай желание, — прошептал он.

Мелодия ещё раз прошла по кругу.

Двенадцать, одними губами сказала тётя Джо.

Джейк снова посмотрел на телефон. Руби увидела цифры через его плечо, и руки у неё похолодели.

23:59.

* * *

Они начали тринадцатый круг. Дошли до середины.

Песня оборвалась на полуноте — все двенадцать голосов разом. Тетрадь выскользнула из пальцев тёти Джо. В банках продолжали гореть свечи.

Сцепленные руки разомкнулись и упали. Плечи обмякли — не от поражения, а той слабостью тела, которому наконец разрешили остановиться. Женщина, которая клевала носом, подняла лицо, и на миг оно стало гладким, молодым и совершенно спокойным, как у ребёнка, уснувшего на заднем сиденье машины.

А потом круг просто распался. Женщины поворачивались кто куда и начинали ходить — медленно, бесцельно, как люди, которые ищут потерянные ключи и забыли, что такое ключи. Одна задела другую плечом и даже не взглянула на неё. Мама прошла в трёх метрах от Руби, глядя сквозь неё, и её поглотила темнота поля.

Ноа остался один посреди огромного пустого круга. Спящий.

Женщины бродили вокруг него. Одна прошла в шаге от одеяла. Другая наступила на край, и угол поволокся за её кроссовкой. Ноа не шелохнулся. Женщина не опустила глаз. Для неё он был всего лишь ещё одним тёмным пятном земли. Пока он молчал, его не было.

Мама тоже прошла мимо него — так близко, что её тень скользнула по лицу спящего сына. Она даже не замедлила шаг.

Руби смотрела и не могла дышать. Восемь месяцев мама вскакивала от малейшего его вздоха. Теперь она обходила его, как камень.

А утром, подумала Руби, она это вспомнит.

— Это что, шутка? — выдохнул Джейк. — Скажи, что это…

Руби зажала ему рот ладонью.

Одна из бродивших женщин зацепила одеяло ногой, и серый зайчик кувырнулся в жнивьё. Он упал к ногам тёти Джо, которая всё так же стояла там, где выронила тетрадь. Упал на животик. В двух шагах от него спал Ноа.

Внутри что-то щёлкнуло, и зайчик заиграл. Колыбельную. Ту самую, которую они только что пели, — только теперь тонко, жестяно и весело, как музыкальная шкатулка. В мёртвой тишине поля это прозвучало громко, как сирена. Тётя Джо не шелохнулась. Своих детей у неё никогда не было. В полночь она одна во всём круге осталась собой — и поняла всё раньше других. Она стояла совершенно неподвижно, как велела тетрадь. Она всё сделала правильно.

Шелохнулись все остальные.

Потом Руби так и не смогла описать, что увидела. По всему полю женщины разом сорвались с места и побежали на звук. Двигались рывками, слишком быстро, опустив головы, не глядя под ноги. Они сомкнулись над тётей Джо, и она упала без единого звука. Колыбельная играла ещё секунду, две, потом захрипела и смолкла под чьей-то ногой. Руби видела только спины, которые поднимались и опускались. И мамин хвостик, перехваченный резинкой, которую Руби подарила ей на День матери.

Зато звуки она запомнила. Треск рвущейся куртки. Влажный, тяжёлый хруст, как будто ломают сырые ветки. Белая кроссовка тёти Джо дважды дёрнулась над согнутыми спинами и замерла. Карен подняла голову, и в свете упавшей свечи Руби увидела её подбородок, тёмный и блестящий, и что-то, свисавшее у неё изо рта. Потом выпрямилась мама, и руки у неё были чёрные по запястья. Она их не вытерла. Просто опустила и дала стечь на жнивьё.

Джейка трясло. Руби чувствовала, как дрожит его челюсть под её ладонью.

Когда всё кончилось, женщины не спеша поднялись и снова разбрелись по полю, каждая в свою сторону.

Всё было в точности как в тетради. Слово в слово.

* * *

Надо было уходить. Руби понимала это: назад в кукурузу, пригнувшись, к дороге, без единого звука. Джейк уже тянул её за руку.

Но Руби смотрела на белое одеяло посреди поля.

Ноа спал. Пока. Но Руби знала своего брата. Каждую ночь около половины первого он просыпался голодный и никогда не хныкал для начала — сразу переходил на крик во всё горло. Мама называла это *сиреной*.

Между ней и одеялом бродили по полю одиннадцать женщин.

— Я за ним, — прошептала Руби.

Джейк уставился на неё, перевёл взгляд на одеяло — и молча кивнул.

Они пошли. Не бегом — бег шумит. Пригнувшись, сначала пятка, потом носок, как учили на физкультуре. Сухое жнивьё хрустело под кроссовками, и каждый хруст казался Руби громким, как крик.

Слева, шагах в пяти, прошла Карен. Руби остановилась как вкопанная. Карен прошла мимо, глядя в никуда.

Справа, ближе к одеялу, бродили две незнакомые Руби женщины. Одна остановилась прямо над Ноа и стояла, опустив голову. Руби перестала дышать. Женщина пошла дальше.

Одеяло приближалось: десять шагов, пять, два.

Джейк опустился на колени и, затаив дыхание, подсунул руки под одеяло. Поднял. Ноа вздохнул во сне, причмокнул и зарылся лицом Джейку в куртку. Они развернулись.

И Ноа открыл глаза, всё ещё уткнувшись Джейку в грудь.

Руби увидела, как его лицо морщится и рот открывается, и поняла, что у неё полсекунды. Она сунула палец ему в рот. Ноа замер от удивления — а потом начал жадно сосать, посапывая.

А прямо перед ними, между ними и кукурузой, стояла мама.

Она стояла совершенно неподвижно, и свет упавшей свечи лежал у неё на лице. Глаза были открыты. Она смотрела прямо на Руби, и в её взгляде не было ничего. Ни узнавания, ни злости. И усталости тоже — впервые за восемь месяцев совсем никакой.

Ноа сосал палец и посапывал. Руби была уверена, что это слышно на всё поле.

Медленно, по-птичьи, мама склонила голову набок, как будто прислушивалась к чему-то глубоко под землёй. И стояла так.

Потом пошла дальше, задев Руби плечом.

Они добрались до кукурузы и прошли вглубь ещё шагов двадцать, прежде чем позволили себе опуститься на землю. Джейк плакал, крепко сжав губы. Руби прижимала к себе брата и чувствовала, как его маленькое сердце часто стучит возле её сердца.

Над полем висела полная луна. Та самая.

Руби посмотрела на телефон, убавив яркость до минимума. 00:09.

До рассвета шесть часов.

ГЛАВА 2

23:58. Улица

Каллум орал песню на всю Марш-лейн, а Эмма снимала его на телефон.

— Завтра посмотришь и умрёшь со стыда, — сказала она.

— Вот и хорошо. — Каллум раскинул руки и пошёл задом наперёд по середине пустой дороги. — Я буду пересматривать каждый день. Это моя лучшая роль!

Маркус шёл следом, руки в карманах, и улыбался. Вечеринка у Кирана была так себе, но дорога домой всегда получалась лучше вечеринки. Октябрьский воздух пах дымом и мокрой болотной землёй, а над крышами висела огромная, невозможно круглая луна.

Маркус знал, почему Каллум всегда провожает Эмму. В седьмом классе, через неделю после того, как дома у Эммы что-то случилось — она никогда об этом не рассказывала, — она разрыдалась на автобусной остановке. Все сделали вид, что не замечают. А Каллум, который тогда её почти не знал, сел рядом на бордюр и сорок минут изображал учителей, пока она не начала смеяться сквозь слёзы. С тех пор он провожал её до двери — каждый раз. Говорил, что ему *по пути*, хотя жил на другом конце города. И каждый раз именно он просил: «Сними меня, Эм. Для истории». Больше никто никогда не просил.

На середине улицы Каллум отстал, обхватил Маркуса рукой за шею и заглянул ему в лицо.

— Ты себя в зеркало видел? — сказал он. — Когда последний раз спал?

— У Лео зубы режутся.

— У Лео всегда зубы режутся. У Лео зубы режутся с рождения. — Следующее Каллум сказал между делом: — Приноси его к нам в воскресенье. Папа с младенцами тает как масло — он меня каждую ночь по кухне носил, пока мне четыре не стукнуло, у мамы фотки есть, позорище. Он возьмёт Лео на полдня, а ты поспишь у нас на диване.

— Не могу же я просто спихнуть брата на твоего отца.

— Можешь. На то и друзья, Марк. — Он отпустил его, крутанулся и снова зашагал по дороге, раскинув руки, подхватив песню ровно с того места, где бросил.

Маркус не ответил. Он думал, что, может, и правда. Что в воскресенье, может, и правда.

Улица не спала. Мистер Холлоуэй курил на крыльце сорокового дома в халате, как теперь каждую ночь. Весной его дочь куда-то уехала и оставила ему своего малыша, а Каю было два, и он до сих пор не спал по ночам. Через дорогу женщина в спортивном костюме выгуливала мопса, на плече у неё всё ещё висела муслиновая пелёнка. Через два дома пара лет тридцати сидела на крыльце с бокалами вина и тихонько смеялась — их первый вечер вдвоём, как слышала Эмма, с тех пор как родился ребёнок.

— Доброй ночи, мистер Холлоуэй! — пропел Каллум.

Мистер Холлоуэй поморщился и отвернулся.

Эмма засмеялась и повела камеру вверх, на луну. Маркус глянул на часы у неё на экране. 23:59. Потом цифры сменились.

00:00.

Сигарета выпала у мистера Холлоуэя изо рта.

Он не наклонился её поднять. Просто стоял, а она тлела на ступеньке у его ног. Женщина с мопсом застыла посреди тротуара, и поводок выскользнул у неё из пальцев, а она даже не заметила. Пара на крыльце замерла с поднятыми бокалами, как на фотографии. Мопс заскулил и потрусил прочь.

— Э-э, — сказал Каллум. Он перестал петь. — Это флешмоб, что ли?

Никто не ответил. Улица смолкла, будто на неё опустили стеклянный колпак. Маркус слышал, как у него в ушах стучит кровь.

— Кэл, — сказал он вполголоса. — Пошли.

Но Каллум уже вразвалочку шёл к мистеру Холлоуэю, улыбаясь до ушей.

— Мистер Холлоуэй! Эй! — Он помахал рукой у старика перед лицом. — Вы чего, зависли? Ау-у-у!

Мистер Холлоуэй бросился на него.

Потом Маркус всё пытался понять, как это случилось так быстро. Только что старик стоял, сгорбившись, — и вот уже Каллум лежит на спине на асфальте, а мистер Холлоуэй сверху. Каллум закричал — высоко и громко, как маленький.

Маркус видел, как старик вцепился зубами Каллуму в шею сбоку, под самым ухом, и сомкнул челюсти, как зверь на добыче. Видел, как в свете фонаря брызнуло что-то тёмное, почти чёрное — на белые кроссовки Каллума, на асфальт, на упавшую сигарету. Каллум ударил его по голове раз, другой, но старик не разжал зубы. Пальцы Каллума заскребли по дороге, и Маркус услышал это: ногти по камню. Телефон Каллума отлетел в сторону экраном вверх и всё играл ту самую песню, которую он орал на всю улицу.

И тогда улица ожила. Женщина в спортивном костюме сорвалась с места. Пара на крыльце уронила бокалы, те разбились о ступеньки, — и они тоже побежали. Из-за угла, из темноты, из открытых дверей выходили люди, которых Маркус секунду назад даже не видел, — и все бежали. Все на крик. Все к Каллуму.

Крик оборвался.

Эмма стояла с поднятым телефоном. Камера всё ещё писала. Маркус схватил её за руку и потянул.

Они не побежали. На это у Маркуса ума хватило. Он отводил её назад, шаг за шагом, к бордюру, где стоял старый серый «Воксхолл». За спиной стало тихо. Жутко, невозможно тихо.

Эмма открыла рот. Маркус посмотрел на неё, и она сама его закрыла.

Они легли на асфальт и заползли под машину.

Оттуда были видны только ноги: ноги людей, которые не спеша расходились от того места, где лежал Каллум. Тапки мистера Холлоуэя. Кроссовки женщины в спортивном костюме. Чьи-то босые ступни. Они разбредались во все стороны и потом просто бродили, туда-сюда, туда-сюда, как сломанные заводные игрушки.

Маркус лежал на холодной дороге, днище машины было в сантиметре от его лица. Пахло маслом и ржавчиной.

Эмма всхлипнула. Один раз, совсем тихо.

Тапки мистера Холлоуэя остановились у переднего колеса.

Маркус зажал ей рот ладонью. Эмма вцепилась ему в запястье, ногти впились в кожу.

Тапки стояли.

И стояли.

И стояли.

Потом развернулись и зашаркали прочь.

Маркус медленно, долго выдохнул и повернул голову. Только тогда он увидел, что под соседней машиной — синим «Фордом Гэлакси», в двух метрах, — тоже кто-то лежит.

Две пары глаз. Маленьких, круглых, блестящих в темноте.

Дети. Мальчик и девочка, лет восьми, не больше, прижавшись друг к другу, смотрели на него.

Мальчик поднёс палец к губам.

Тихо.

ГЛАВА 3

00:20. Квартира

Итан не спал, потому что Итан никогда не спал.

В семнадцать ночь была единственным временем, когда в квартире на пятом этаже на Стейшн-роуд можно было побыть одному. Днём там было слишком тесно: две спальни, родители, Хлоя и — с весны — Мия. Мия занимала больше места, чем все остальные вместе взятые. Не телом. Шумом.

Сейчас она спала в кроватке в комнате мамы и папы, за стенкой. Хлоя — десять лет, волосы во все стороны, пижама с единорогами — сидела у Итана на кровати и смотрела видео в его телефоне, хотя час назад должна была уже спать.

— Ещё одно видео, — прошептала она.

— Ты это говорила пять видео назад.

— Это последнее. Честно.

Итан вздохнул и включил ещё одно.

Шаги в коридоре.

Итан погасил экран. Хлоя нырнула под одеяло, хотя кровать была его, а не её. Шаги прошли мимо двери, вернулись и снова прошли мимо.

— Папе не спится, — прошептала Хлоя. — Он всегда так ходит, когда Мия орёт.

— Мия не орёт.

Хлоя промолчала.

— Значит, он просто ходит.

Шаги уходили и возвращались — ровные, медленные, одинаковые, как тиканье часов. Итан прислушался и понял, что шагов двое. Мама тоже не спала. Они ходили по коридору вдвоём и не разговаривали. Ни шёпота, ни вздоха. Просто ходили.

Что-то в этом было не так, а что — Итан не находил слов.

Беруши папа носил уже два месяца. Оранжевые, поролоновые, из банки на пятьдесят штук в шкафчике в ванной. Он вставлял их в четыре утра у кухонной раковины — в рабочей куртке, за три часа до смены — и стоял, упершись руками в край раковины и опустив голову. Однажды Итан застал его так. Папа вынул одну берушу, посмотрел на него красными глазами и сказал, будто Итан спрашивал: «Я её люблю. Ты же знаешь, я её люблю. Я просто больше не могу это слышать. Как будто у меня в голове что-то ломается». Итан сказал: «Всё нормально, пап», — и вернулся в кровать. Утром он выкинул беруши в мусорное ведро. На следующую ночь на подоконнике лежала новая пара. Ни один из них об этом так и не заговорил.

Он встал, подошёл к двери и приоткрыл её на сантиметр.

В коридоре было темно, только из кухни падала жёлтая полоса света от лампы над плитой. Мама прошла сквозь полосу. Глаза у неё были открыты. Она смотрела прямо перед собой и шла, пока не упёрлась в стену. Постояла. Развернулась. Пошла обратно.

Папа шёл за ней. Нет — не за ней. Просто в ту же сторону. Его плечо стукнулось о её плечо, и ни один из них не обернулся.

— Что там? — прошептала Хлоя.

Итан не ответил.

За стенкой, в комнате родителей, заплакала Мия.

Сначала тихо, как всегда, — захныкала. Потом громче. Потом в полную силу: тот пронзительный, сверлящий визг, от которого у Итана пять месяцев болела голова.

Папа остановился посреди коридора.

И упал на четвереньки.

Итан никогда не видел, чтобы человек так двигался. Папа не опустился, как опускаются люди, неуклюже, на колени. Он упал на ладони и на носки, выгнув спину, как собака перед прыжком, — и рванул. Ладони зашлёпали по ламинату, быстро и гулко, как когти. Он пронёсся по коридору мимо двери Итана, так близко, что Итан почувствовал запах его футболки, и исчез в темноте спальни.

Визг Мии оборвался на вдохе. Всё стихло.

Итан стоял у двери и не мог пошевелиться. Он слышал, как за стеной что-то происходит, — какие-то негромкие звуки. Он не позволил себе понять, что это за звуки.

Скрипнула кроватка. Раз. Другой. Стукнулась о стену, и от толчка включился мобиль над ней — тот, с жёлтыми звёздочками, который мама купила ещё до рождения Мии. Из маленького динамика полилась колыбельная, тонкая, пластмассовая, весёлая. Старая простая мелодия, которую мама каждый вечер напевала Мие.

Удары, и короткий, яростный треск пластика. Колыбельная захлебнулась и умолкла.

Потом стало тихо, и в тишине остался только один звук: за стеной что-то капало на ламинат, как из неплотно закрытого крана.

За спиной у Итана дыхание Хлои начало учащаться — быстрее, быстрее, — и он понял, что она сейчас закричит.

Он развернулся, в два шага оказался у кровати и зажал ей рот рукой. Хлоя забилась. Он прижал её к себе и зашептал прямо в ухо, так тихо, что сам себя едва слышал:

— Не надо. Не надо, Хло. Слышишь? Ни звука. Ни одного.

Хлою трясло. Её слёзы текли у него по пальцам.

Снова шаги в коридоре, ровные и медленные, теперь на двух ногах. Папа вышел из спальни.

Итан огляделся. Дверь не запиралась. Под кроватью не было места. Оставался шкаф: большой, старый, с зеркалом на дверце, доставшийся от прежних жильцов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.